

Как парень из Карибского региона сотворил вселенную, которая покорила весь мир? Всем, кто любит творчество Габриэля Гарсиа Маркеса, понравится и эта великолепная биография.

Бенисио
Дель Торо

Сильвана
Патерностро

Жизнь Габриэля Гарсиа Маркеса,

рассказанная
его друзьями,
родственниками, почитателями,
спорщиками, остряками, пьяницами
и некоторыми другими людьми

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

Пролог	11
------------------	----

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

1967-й: год, когда случилось землетрясение	21
--	----

ДО ЕГО ЭРЫ:

«СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ

Глава 1. Сын Луисы Сантьяга и Габриэля Элихио.	25
Глава 2. В доме у бабушки с дедушкой	34
Глава 3. Побережье готовится сказать свое слово	44
Глава 4. Первые и последние в жизни друзья	52
Глава 5. Упомянутые в тексте «Ста лет одиночества»	62
Глава 6. Так зубоскал или писатель?	73
Глава 7. Еще виски	77
Глава 8. «Ла Куэва»	82
Глава 9. «Упертости, какая для этого ремесла положена, чуваку хватало»	88
Глава 10. Пижоны и деревенщины.	92
Глава 11. Лебединая шея.	97
Глава 12. SAAG: Общество друзей для оказания помощи Габито	104
Глава 13. «Священный крокодил»	114
Глава 14. Коммунистическая пресса.	119
Глава 15. «Рассказывай дальше»	124
Глава 16. Одиночество и компания	133
Глава 17. «Будто вспышкой ослепило»	139
Глава 18. Урок географии	146
Глава 19. БУ-У-УМ!	152
Глава 20. Габо как прилагательное, как существительное и как глагол	160

В ЕГО ЭРУ:

«СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» УЖЕ НАПИСАНЫ

Глава 21. Богатый и знаменитый	171
Глава 22. «У нас умерли пятеро королей!»	180
Глава 23. «Тебя как звать?»	184
Глава 24. Персона нон грата	192
Глава 25. Что-то новое.	197
Глава 26. «Вот дерьмо, кажись, он помер»	202
Глава 27. «Не хочу я в одиночку в Стокгольме мыкаться»	205
Глава 28. Ex cathedra	213
Глава 29. Подпорченный товар.	221
Глава 30. Зачарованный властью.	228
Глава 31. Нокаут	242
Глава 32. Рыбий жир	248
Глава 33. Посошок	269
Эпилог. День, когда все мы проснулись постаревшими	272
О тех, чьи голоса исполняли главные партии	277

Пролог

В ноябре 2000 года журнал *Talk*, незадолго до того основанный Тиной Браун*, предложил мне подготовить устную историю** о Габриэле Гарсиа Маркесе. Они хотели материал на две тысячи слов — примерно на три-четыре страницы вместе с фотографиями. То есть нечто очень короткое. А это, определенно, не его биография.

Поручить данную работу именно мне в журнале решили потому, что я, хотя и проживаю в Нью-Йорке с 1986 года, родилась в Барранкилье, и значит, волей судьбы происхожу из мест, соседствующих с вымышленным миром Макондо. К тому же в зимнем выпуске журнала *Paris Review* за 1996 год я опубликовала подробный документальный репортаж «Три дня с Габо» о курсах журналистики, которые Гарсиа Маркес открыл в Картахене*** и на которых я училась.

Я предложила редакции не брать интервью у глав государств, кинозвезд и богачей, в кругу которых он каждодневно вращался, а отправить меня в Колумбию, где я могла бы потолковать с людьми, знававшими Гарсиа Маркеса во времена, когда он еще не был легендарным писателем Латинской Америки. Я даже пообещала поговорить с персонажами «Ста лет одиночества», имея в виду нескольких человек, которых Гарсиа Маркес вывел в романе и обессмертил как «непревзойденных зубоскалов из Ла Куэвы»**** и «первых и последних в его жизни друзей»*****. После этого редакция немедленно прислала мне авиабилет,

* Тина Браун — журналист, редактор (в разное время возглавляла издания *Vanity Fair*, *New Yorker*, является руководителем *Daily Beast* и *Newsweek*). *Прим. ред.*

** Устная история — научный исторический жанр, а также метод исторического исследования, под которым подразумеваются записанные на цифровые носители воспоминания людей о своей или чьей-то жизни, о событиях прошлого, свидетельствами которых они были. *Прим. ред.*

*** Здесь и далее речь идет о городе Картахена, расположенном в Колумбии, на берегу Карибского моря (другое название — Картахена-де-Индиас). Его не следует путать с испанской Картахеной. *Прим. ред.*

**** Г. Г. Маркес, рассказ «Похороны Великой Мамы» (*Los Funerales De La Mama Grande*, 1961 год). *Прим. пер.*

***** Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества» (*Cien años de soledad*, 1967 год). *Прим. пер.*

и меня немало позабавил украшавший его глянцевую обложку Микки-Маус — журнал Talk финансировала компания Disney.

— А после Колумбии мне надо съездить в Мексику, — рискнула я заявить редактору. — Ведь там он и написал роман.

— Все что пожелаешь.

Материал так и не увидел свет. Talk закрылся — подвела концепция: надежды скрестить шоу-бизнес с журналистикой и литературой не увенчались сколько-нибудь заметным успехом. «Какой еще журнал помещает на обложке обнаженный торс Хью Гранта и при этом отводит шесть полос под серьезный раздел о книгах? — в сердцах вопрошала меня редактор, поручившая мне тот материал. — Только Тина могла додуматься до подобного — заказать устную историю о жизни Габриэля Гарсиа Маркеса».

Однако благодаря этому дерзкому замыслу у меня набрались двадцать четыре магнитофонные пленки по девяносто минут каждая, где самые разные люди рассуждают о Маркесе. Из этих долгих разговоров я выкроила и напечатала несколько очерков. В 2002 году вышла книга его мемуаров на испанском языке «Жить, чтобы рассказывать о жизни», и журнал El Malpensante поместил более колумбийский по духу и более обширный вариант материала, подготовленного мной для Talk. Еще одну версию статьи я опубликовала в юбилейном номере Paris Review по случаю его пятидесятилетия, а позже, весной 2003 года, этот текст на испанском напечатал мексиканский журнал Nexos. Прошло почти десять лет до момента, как в марте 2010 года я решила вернуться к тем давним пленкам с намерением сделать из них книгу.

Но, прослушав их, я поняла: на книгу материала не набирается. Требовалось заполнить очевидные пробелы. И потому я приступила ко второму раунду интервьюирования тех, кто, как мне представлялось, сумеет дополнить фон и уточнить хронологию событий, намеченных первыми рассказчиками.

Эта книга разделена на две части. В первой — «До его эры: „Сто лет одиночества“ еще не написаны» — о Маркесе рассказывают его братья и сестры, а также приятели тех времен, в которые он еще не был всеми почитаемой иконой Латинской Америки. Тогда он еще не обзавелся ни приличным английским портным, ни английским биографом — я сама слышала, как он называет это двумя верными признаками писательского успеха, — и не пожимал руки президентам и мультимиллионерам (как это было в тот вечер, когда я увидела его торжественно перерезающим небесно-голубую атласную ленточку на открытии музея искусств «Соумайя», подаренного родному Мехико миллиардером

Карлосом Слимом; именно та сцена напомнила мне о пленках, записанных мной во время работы над материалом для журнала Talk). В этой части собраны голоса из малопримечательного, но полного надежд периода, когда мальчишка из глухой провинции решил стать писателем. И голоса свидетелей рассказывают, как он добился этого. Нам открывается картина становления творческого гения, перед которым преклоняется весь мир.

Во второй части — я назвала ее «В его эру: „Сто лет одиночества“ уже написаны» — перед нами предстает удостоенный наград прославленный писатель и знаменитость Гарсиа Маркес.

О нем написаны целые горы книг, очерков и исследований, но над каждым из этих текстов неизбежно тяготеет и авторская манера повествования, и цензура, которой подверглись его мемуары, и пристальный анализирующий взгляд биографа. Тогда как устная история — так официально называется жанр этой книги — позволяет высказаться людям, близко знавшим героя, дает им возможность своими словами описать, каким он был человеком и как сумел стать самым значительным писателем Латинской Америки, отчего так пленялся могуществом власти и всю жизнь столь безоглядно заступался за Фиделя Кастро. Благодаря этому чудесному жанру мы узнаем о том, как они привечали его, как помогали ему, как на их глазах он делал сам себя; ощутим, как искренне они любили его или как сильно он их раздражал; все это мы услышим из первых уст, минуя посредничество других рассказчиков и чужих впечатлений.

Посему эта книга послужит нам пропуском на пир, где все гомонят, болтают, орут, где каждый высказывает свое мнение, а порой и откровенно лжет. В этом — квинтэссенция устной истории, такой же, как книга «Эди: американская девчонка», созданная Джин Стайн и Джорджем Плимптоном (о музе Энди Уорхола актрисе Эди Седжвик), и биография Трумена Капоте (тоже плимптоновская), названная «Трумен Капоте: книга, в которой различные друзья, враги, знакомые и клеветники рассказывают о его бурной карьере». Этот формат, ниспосланный мне небесами в виде телефонного повеления Тины Браун, несказанно прекрасен, ибо при всей своей занимательности и легкости глубоко правдив.

Однако призываю вас иметь в виду, что каждое слово, каждый слог в приведенных здесь диалогах отражает личное мнение говорящего. Читать все это столь же забавно, как, явившись на праздник и развесив уши, прислушиваться к разговорам гостей, обсуждающих Гарсиа Маркеса, — тем более что на всяком праздничном сборище находятся словоохотливые персонажи. Среди них — и горлопаны, и искусшенные

аналитики, и зубоскалы, и нытики, и пошляки, и даже те, кто слишком много принял на грудь. На этом празднестве мы разделим компанию с теми, кто помогал Гарсиа Маркесу оставаться в уединении, столь необходимым ему для работы над романом «Сто лет одиночества».

Обратите внимание: с самим Гарсиа Маркесом при подготовке книги я не общалась. Собственно, этого требует жанр: устная история пишется со слов других людей. Предполагается, что ты беседуешь с ними о герое в его отсутствие и — это еще важнее — записываешь беседы на пленку. Приступая к работе над книгой, я разложила пленки в хронологическом порядке и начала слушать эти беседы-интервью более чем десятилетней давности. В наушниках слышался мой собственный смех, но одновременно у меня возникали новые вопросы. Так, я хихикала над разглагольствованиями жителей моей родной Барранкильи, но вместе с тем понимала: за пределами Колумбии никто не поймет, что означает привычное нам, барранкильянцам, выражение «пичкать петушей титькой». Я осознавала, что должна не только растолковать читателю наше барранкильянское аргю, но и как-то донести до него, что со мной говорят люди преклонных лет. Память местами подводит их, и они, не в силах припомнить что-то существенное, мямлят и запинаются. А поскольку я не собиралась освежать их воспоминаний, то сохранила эту слабость в их голосах.

Музыка, а в особенности вальенато* — нечто наподобие кантри-блюза, исполняемого под аккордеон, — занимала важное место во время того первого круга моих бесед с героями этой книги. Мои собеседники не раз и не два принимались петь, подавшись порыву, и потому на страницах я тоже позволяю им вволю попеть. Я привожу здесь и чисто мачистскую логику в словах судьи, с которым в свое время советовался Гарсиа Маркес, желая из первых уст узнать, что и как происходило в то роковое воскресенье, когда еще совсем молодой судья стал свидетелем трагедии, известной сегодня миру по повести 1981 года «Хроника объявленной смерти». Пришлось также добавить множество пояснений о Барранкилье, ибо это не только благодатная почва, на которой произрастает так называемый магический реализм, но и место,

* Вальенато (vallenato) — жанр народной музыки северной Колумбии. Исполняемые под непрерывный аккордеон, близкие по стилю балладам трубадуров, вальенатос рассказывают о тяжелой доле, о дружбе и любовных историях людей из Валле-де-Упар (долины Упар), расположенной на северо-востоке Колумбии. Гарсиа Маркес, неизменный любитель и пропагандист этого жанра, недаром сказал, что «Сто лет одиночества» — это вальенато в 360 страниц. *(Здесь и далее, если не указано иное, пояснение в сноске принадлежит автору.)*

где Гарсиа Маркес повстречал первых и последних в его жизни друзей — ученого каталонца, Альфонсо, Альваро, Хермана и других «спорщиков», появляющихся в последней главе «Ста лет одиночества». Когда я приехала в Барранкилью со своим магнитофоном, многие из этих людей уже ушли в мир иной, однако мне посчастливилось отыскать двоих еще живых, и они рассказали мне, какими были верные друзья Гарсиа Маркеса, когда взяли его под свое крыло. Эта книга — моя ода дружбе, дань признания его друзьям, ведь именно в Барранкилье он пережил лучшие свои времена.

В поисках других рассказов о дружбе я задумала связаться с Марией Луисой Элио и Хоми Гарсиа Аскотом. Это им Гарсиа Маркес посвятил «Сто лет одиночества». И представьте себе: ни один из записных габоведов и габолюбов Колумбии, назубок знавших все дела и проделки выведенных в романе «спорщиков», не смог мне поведать ничего внятного об этих двоих, хотя они явно играли немаловажную роль в жизни автора. За исключением того факта, что проживали они в Мехико.

Я прилетела в Мехико по еще одному билету от Disney, зарегистрировалась в отеле «Каса Дуранго» и приступила к поискам. Карлос Монсивайс* сообщил мне, что Мария Луиса и Хоми — муж и жена, испанцы; Хоми уже нет в живых, и я получила телефонный номер вдовы, сеньоры Марии. На следующий день меня принимала в библиотеке своего дома, расположенного в южной части Мехико, очень привлекательная элегантная дама в идеально подходившем к цвету ее глаз серо-голубом брючном костюме и таком же шарфе. Она делилась воспоминаниями с тем же щедрым великодушием, с каким часами выслушивала Габриэля Гарсиа Маркеса — на тот момент просто друга ее друга, случайного соседа за столом на банкете. В исчерпывающих подробностях новый знакомый излагал ей сюжетную канву задуманной книги. Впоследствии сюжет воплотился в романе «Сто лет одиночества», и первое издание он посвятил ей, Марии Луисе. Я уверена: она многократно повторяла эту историю на других званых обедах, однако, когда я в тот день включила свой магнитофон, Мария Луиса Элио заметила, что ее воспоминания о том эпизоде впервые обставлены как настоящее интервью и записываются на пленку.

В книге звучат также голоса людей, которые не слишком близко знали Гарсиа Маркеса или вообще не были с ним знакомы. Однако их комментарии относительно важных событий в истории Колумбии,

* Карлос Монсивайс Асевес (1938–2010) — мексиканский писатель-эссеист, сценарист, литературный и художественный критик, один из виднейших латиноамериканских интеллектуалов эпохи. *Прим. пер.*

оказавшихся знаковыми и в жизни писателя (например, убийство видного политика Хорхе Эльесера Гайтана* 9 апреля 1948 года, положившее начало кровавому десятилетию гражданской войны, известной как Ла Виоленсия), совершенно необходимы, поскольку открывают путь к пониманию личной истории Гарсиа Маркеса и его книг. Нерео Лопес, официальный фотограф колумбийской делегации, приезжавшей в Стокгольм на вручение Гарсиа Маркесу Нобелевской премии, рискнул в 1997 году, в восемьдесят лет, переехать в Нью-Йорк, чтобы «открыть для себя новые горизонты»; я не преминула извлечь пользу из этого его восхитительно отважного шага и уговорила поделиться со мной воспоминаниями о тех днях, когда Гарсиа Маркес был для него не более чем коллегой, а Колумбия истекала кровью в гражданской войне. Его яркие воспоминания оживили повествование.

На страницах книги Гарсиа Маркес предстает свободным от самоцензуры, каковая присутствует в его мемуарах «Жить, чтобы рассказывать о жизни», над ним не тяготеют семь с лишним сотен страниц его биографий, превосходно написанных Дассо Сальдиваром и Джеральдом Мартином. Это богатый и исключительный исторический документ, хранящий коллективную память о его жизни, размышления о том, каких трудов это стоит — быть писателем, и о том, какими тропами он, подобно Рильке, приходит к необходимости заключить пакт с одиночеством. Перед вами книга, которая наглядно показывает, насколько дружба и обстоятельства, а превыше всего — внутренняя дисциплина и самоотверженность важны для достижения триумфа.

Его близкий друг, аргентинский писатель Томас Элой Мартинес, признался мне, что стать другом Габо можно было, только беспрекословно соблюдая *омерту* — обет взаимного укрывательства, эдакий «кодекс чести», какой существовал у мафии. «Нельзя было никогда и ничего писать о нем», — сказал он как-то, когда мы сидели в его патио в Нью-Джерси. Сам Гарсиа Маркес рассказывал эпизод, как однажды в Париже, будучи еще молодым и очень нуждающимся, он увидел в парке Эрнеста Хемингуэя. Вместо того чтобы подойти и заговорить с ним, он решил выкрикнуть его имя с другой стороны маленькой площади и в знак великого уважения поднять руку. Мне понятна овладевшая им

* Хорхе Эльесер Гайтан (1903–1948) — колумбийский политический и государственный деятель, приверженец левых идей, пользовался широкой поддержкой среди беднейшего населения. В 1947 году в ходе конфликта с Колумбийской консервативной партией выдвигался на пост президента, но был застрелен. Остается в народной памяти как либеральный мученик. *Прим. пер.*

робость, потому что при всем соблазне очень тяжело решиться и вот так запросто заговорить со знаменитостью.

Эту книгу я писала с тем же чувством робости, стараясь соблюдать почтительную дистанцию. Я создавала портрет человека, ставшего легендой. Убеждена: все мы представляем собой нечто большее, нечто более значимое, более вечное и даже более священное, чем мифы, вымыслы. Гарсиа Маркес остается великим, даже если мы не верим в утешительные сказочки о том, что он был чужд ошибок, недостатков, поражений, безрассудств, любовных страстей и вражды.

Если вы желаете получить истинное наслаждение от этой книги, то отложите на время убеждение в том, будто бы все в жизни имеет одно-единственное правдивое толкование. Следуя закону жанра, устная история сталкивает правду одного человека с правдой другого и даже противопоставляет их. В этом, в частности, и заключено ее очарование. С такой мыслью в голове и стаканчиком виски со льдом в руке или бокалом шампанского (каковому, как мне говорили, сам Габо отдавал предпочтение) ступайте на этот праздник. Если жаждете всей полноты впечатлений, подойдите к книжному шкафу и достаньте свой экземпляр «Ста лет одиночества», а за неимением такового — прогуляйтесь до ближайшего книжного магазина и купите. Прочтите его снова или в первый раз — теперь, когда узнали обо всех любопытных фактах и несообразностях, тайных пружинах и страстях в подоплке этого романа, названного «пожалуй, самым филигранным и самым знаменитым произведением — классикой мировой литературы на все времена». Две его последние главы доставят вам особенное наслаждение, ведь вы увидите и поймете, как лукаво автор подмигивает своим друзьям. Надеюсь, вы будете громко смеяться, читая, например, такой пассаж: «Между тем Альваро взрывами своего хохота пугал кайманов, Альфонсо сочинял кровавую историю про то, как выпив на прошлой неделе выклевали глаза четверым клиентам, которые нехорошо себя вели, а Габриэль пребывал в комнате задумчивой мулатки, которая взимала плату за любовь не деньгами, а письмами для своего жениха-контрабандиста, отбывавшего срок в тюрьме по ту сторону Ориноко, потому что пограничники напоили его слабительным и посадили на горшок, и потом в горшке оказалось полно бриллиантов»*. И поймете, почему он всегда возражал тем, кто говорил о его безграничном воображении, и неизменно произносил одну простую фразу — о том, что все в его выдумках основывается на фактах.

* Пер. с исп. В. С. Столбова, Н. Я. Бутыриной.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

[Смотреть книгу](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

МИО